

ПАРЕМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА ТРУДА В ЖАНРЕ СЕМЕЙНЫХ РОДОСЛОВНЫХ

Паремии (пословицы и поговорки) относятся в области русского языка к числу достаточно широко изученных явлений. Множество работ посвящено поаспектному их исследованию, из ряда свежих публикаций монографического характера наибольшего внимания заслуживает, на наш взгляд, кандидатская диссертация Н.Н. Семененко. В этой работе дано следующее определение предмета исследования: „Пословицы — устойчиво воспроизводимые в речи формулы фольклорного происхождения, имеющие как образную, так и „безобразную” (Потебня) структуру значения и обладающие такими структурно-семантическими особенностями, как эквивалентность суждению, относительная независимость от внешнего контекста и наличие подтекста” [Семененко, 2002]. Далее исследователь развивает концепцию, согласно которой паремии обладают способностью к реализации функций языка и культуры, поскольку в них сопряжены две системы: система культуры и система языка.

Паремическое богатство текстов исследовано применительно к самым различным жанрам, однако существует жанр, который и сам по себе не исследован, и тем более не исследованы его лексические, фразеологические, паремические составляющие. Это жанр семейных родословных. В данной статье использованы фрагменты сочинений старшеклассников школ Чернянского района Белгородской области, а также диктофонные записи устных воспоминаний жителей села Орлик Чернянского района.

Паремии в составе родословных интересны прежде всего своей функцией, которую мы бы назвали кумулятивно-этической — функцией накопления этических ценностей, оптимальных решений для жизненных ситуаций. Проявляется это и в рамках концепта труда. Кумулятивно-этическая функция паремий обуславливает живучесть раритетов. Паремии преодолевают временные барьеры и успешно приспосабливаются к развивающемуся живому народному языку, приобретая статус текста культуры. Как указывает В.А. Маслова, „в процессе исторического развития общения возникла особая категория текстов, которые, оторвавшись от конкретных коммуникативных задач, приобрели материализованную в знаках, относительно самостоятельную и объективную форму существования как компонент социальной среды, не потеряв при этом своей коммуникативной природы” [Маслова, 1991, 179].

Паремии наглядно демонстрируют место концепта „труд” в национальном менталитете русского народа, его родословных.

Концепт „труд” представлен в паремиях семейных родословных следующими лексемами: *труд, дело, работа, сноровка, умение, ремесло* и т.д. — существительные, *учить, кормить, работать, вставлять, делать* и т.д. — глаголы. Перечисленные лексемы являются доминантными для концепта труда.

Лексема *труд* в значении 'работа, занятие' соотносена в паремиях семейных родословных с лексемами *дело, работа* в синонимичном значении 'занятие, труд, деятельность'.

„Некоторые наставления запоминаются на всю оставшуюся жизнь. Мой папа жил со своим отцом. Так как дедушка зарабатывал мало, то отец, окончив 10 классов, решил идти работать помощником столяра. Мастер, встретив его, строго посмотрел и сказал: „Запомни. *Дело учит, и мучит, и кормит*”. Эти слова остались в памяти моего папы до сих пор” (М.А.).

„Моей бабушке уже 85 лет. Но и сейчас, общаясь с ней, я поражаюсь ее трудолюбию, мудрости и жизнестойкости. Больше всего меня удивляет в бабушке ее любовь к земле. Посмотришь на грядки, и от взгляда не ускользнут ровно посаженные ряды петрушки, щавеля. Зайдешь в комнату и застынешь в изумлении. Весь подоконник уставлен цветами, отчего комната выглядит какой-то праздничной и нарядной. Однажды я сказала: „Бабушка, сколько же у тебя забот!» На что бабуля ответила: „*Не то работа, что много работы, а то забота, как нет ее*” (П.Е.).

В паремиях, зафиксированных в составе семейных родословных, лексема *труд* в значении 'привитие умений и навыков в какой-либо деятельности' синонимична лексемам *умение, сноровка* в значении 'навык, опыт в каком-либо деле'. Показательна, таким образом, широта доминантных обозначений. По-видимому, средствами одной доминантной лексемы, например, лексемы „труд” невозможно охватить все оттенки человеческой деятельности.

„Вспоминая свою трудовую юность, бабушка рассказала о встрече с моим дедушкой, молодым, крепким, с сильными натруженными руками парнем. А работник был — такого трудно сыскать. Пшеницу, бывало, косит, только слышишь, как коса звенит да колосья подрезанные падают. Глядя на дедушку и на то, как он трудился, односельчане говаривали: „*Для умелой руки все работы легки. Всякая работа мастера хвалит*”. „Но ведь он так косил, — возражаю я, — потому что молод был, силен”. На что бабушка отвечала: „*Эх, детка, без умения и сила ни при чем*” (Р.Т.).

„Мой прадед имел пятерых детей, которых с раннего детства приучал к труду. Трое его сыновей, в том числе и мой дедушка, с малолетства познали все трудности сельской жизни. Отец обучал их всему тому, что сам знал и умел. Прадед любил повторять, что главное в крестьянском деле — сноровка. Как наставление звучали слова: „*Запомните, дети, без сноровки и ложку мимо рта не пронесешь*” (М.Д.).

Труд как 'деятельность человека, направленная на создание материальных и духовных ценностей' в семейных родословных неразрывно связан с лексемами, обозначающими различные орудия труда: *плуг, борона, соха, коса* и т. д.

„Мой дедушка вырос в тяжелое послевоенное время. Его отец не вернулся с войны, и все мужские дела свалились на неокрепшие дедушкины плечи. Нужно было и косить, и скирдовать, и землю пахать. Намается за день, а утром до работы надо обязательно сена скосить для коровы. Возьмет в руки косу, а отбить не может, руки не поднимаются. Бывало, махнет, так, мол, сойдет, да вспомнит слова покойного отца: „*Без косы сена не накошишь. А чтобы она косила, нужно хорошо ее отбить. Только на острую косу много будет покосу*” (М. Д.).

Лексема *труд* в значении 'профессиональная и хозяйственная деятельность' в паремиях семейных родословных нередко заменяется лексемой *ремесло* 'профессия, занятие', а также лексемами, называющими людей по профессии и роду занятий: *жнец, плотник, санник, сапожник, кузнец* и др.

„Мой дедушка Франц Андреевич за свою короткую жизнь сменил множество профессий. Был он и весовщиком, и объездчиком, и парторгом, и заведующим почтой, заместителем председателя колхоза, директором кирпичного завода. Когда мы спрашивали у него, какая же работа больше всего ему была по душе, то дедушка отвечал: „*Всякое ремесло честно, кроме воровства*” (П. Е.).

„Когда началась война, моей бабушке было всего пятнадцать лет. Сколько же пришлось ей вынести тягот и невзгод в таком юном возрасте. Ведь все легло на хрупкие женские плечи. Именно о ней, о женщине той поры, можно сказать, что она была *и швец, и жнец, и на дуде игрец*” (М. Д.).

„В нашем роду были потомственные кузнецы. Слава о моих предках шла далеко за пределы села. Опыт и секреты кузнечного дела передавались от старших к младшим. Первые уроки кузнечного ремесла проходили в кузнице: ребенку давали в руки клещи и просили из горнила, из раскаленных углей, вытащить подкову и положить на наковальню. При этом ребенку внушали, что клещи — это его вторые руки. И в знак подтверждения говорили: *без клещей кузнец, что без рук*” (К. Л.).

Неотделимы от лексемы *труд* лексемы *праздник* в значении 'день торжества или выходной день, отмечаемый народом после выполнения какой-либо трудовой деятельности', *досуг* в значении 'свободное от работы время'. В сознании русского человека труд неразрывно связан с отдыхом. Уборка урожая, посевная, строительство дома — короче говоря, любой трудовой процесс завершался праздничным гуляньем, что и отражено в паремиях родословных.

„Моя бабушка часто сетует по поводу того, что у современной молодежи что ни день, то праздник. Она говорит: „Все зависит от семейного

воспитания. Не мешало бы усвоить молодым людям народную мудрость, что у русских принято праздновать и отдыхать, хорошо потрудившись. Бабушка в таких случаях приговаривает: „*Работе время, а досугу час. После дел и гулять хорошо*” (Р.Т.).

В текстах семейных родословных мы обнаруживаем паремии интересные, например, своими диалектизмами: *налога* (от слова *налегать*), *лытать*, *опузырился*, *у купе* и т. д.

„В нашей семье труд ценится очень высоко, потому что он — основной кормилец. По воле судьбы мы вынуждены были переехать из города в село. Как горожанам, нам пришлось столкнуться с суровой деревенской действительностью. Чтобы выжить, мы должны были сажать и обрабатывать огород, косить сено, ухаживать за животными. И не все получалось. Нужен был совет, и мы решили обратиться к нашему соседу, деду Ивану. Он встретил нас настороженно, выразившись: *дело ли мы пытаем или от дела лытаем*” (Р.Г.).

Лексема *лытать* на территории Чернянского района имеет значение 'уклоняться от дела, бездельничать'.

„Я вырос в семье современного хлебороба. Много изменилось в жизни людей села, но остался один прекрасный обычай помогать друг другу: семья — семье, деревня — деревне. Часто можно слышать от односельчан: „Хорошо иметь поддержку, тогда ведь любое дело спорится, не так устанешь. Да что говорить, *коли работаешь у купе, так не болит у пупе*” (М.К.).

Словоформа *у купе* выражает идею совместных действий, коллективных трудовых усилий.

„В нашей семье трудовые традиции, опыт старших передавались из поколения в поколение при помощи личного примера. Мои родители, бабушки, дедушки, воспитывая в нас, детях, трудолюбие, больше всего боялись людской молвы и постоянно напоминали нам: „Работайте так, чтобы люди о вас не говорили: *от лени опузырился*” (В.Н.).

Лексема *опузырился* употребляется в значении 'распухнуть'.

Итак, паремии семейных родословных позволяют выявить характерные особенности говора той или иной местности.

Некоторые паремии в составе родословных содержат *историзмы*, например: *кочедык*, *полати* и т. д.

„В семье моей прабабушки было очень много детей. Хотя им и дали прозвище Царевы, жили они вовсе не как цари. Чтобы одеть, обусть и прокормить себя, в доме работали все, от мала до велика. С самого раннего возраста каждый ребенок имел свое дело: волну расчесывали, пряли пряжу, полотно ткали, шили жесткие рубахи. Если кто-то из работающих начнет хныкать, ему тут же напомнят: „*Коли на полатах будешь лежать, хлеба не видать*” (К.Л.).

Лексема *полати* имеет значение 'в избе: нары для спанья, устраиваемые под потолком между печью и стеной'.

Историзмы в составе паремий в жанре семейных родословных позволяют сохранить в памяти названия предметов ушедшего быта, старой культуры, вещей и явлений, связанных с жизнью предшествующих поколений.

В паремиях родословных действия по глаголам *работать*, *трудиться* коррелируют с наличием религиозных воззрений, находясь от них в прямой зависимости, как, например, в следующем отрывке:

„Моя бабушка Анна Ивановна была очень добрым, отзывчивым и трудолюбивым человеком. Через всю жизнь она пронесла в своем сердце веру в Бога, много работала и всегда говорила: *„Кто рано встает, тому Бог подает“* (М.А.).

В концепте „труд“, исследуемом на паремической базе семейных родословных, наблюдается явление эллипсиса, то есть сокращение компонентного состава паремий, при этом смысл пословицы не только не меняется, но становится выразительнее, глубже. Так, пословицу „Не боги горшки обжигают, а те же люди“ встречаем в сокращенном варианте. Основную семантическую нагрузку несет оставшаяся часть пословицы: „Дело, которое выполняют другие, способен выполнить и ты“.

„Однажды дедушка попросил меня помочь ему обрезать деревья в саду, все рассказал, показал. Хотя я вроде бы и понял, но сделать правильно все-таки не получилось, расстроился, помню, сильно, но дед спокойно сказал: *„Ничего, внучек, не боги горшки обжигают“* (В.Ю.).

В паремиях семейных родословных зафиксирован и другой прием преобразования структуры пословиц, так называемое *вклинивание*, то есть распространение компонентного состава паремии. В материале наших родословных использован объектный вид вклинивания. Вклинивание приспособливает выражение к конкретной ситуации. При этом характер обобщенности значения ослабевает, а речевая конкретизация проявляется ярко, наглядно при уточнении всей пословицы с помощью дополнения.

„В семье моих бабушки и дедушки было семь детей. За каждым закреплялись свои обязанности, кому в поле работать, кому воды наносить, а кому полотно ткать. Однажды соседка, зайдя к бабушке, сказала: „Надо же, даже маленькая Катюша помогает!“ На что бабушка в ответ произвела: *„Кто у нас не работает, тот не ест“* (А.М.).

Итак, в жанре семейных родословных широко представлена трансформация паремий, носящая в современном русском языке продуктивный характер. Обновление, обыгрывание пословиц открывает широкие возможности для сенсбилизации их экспрессивно-стилистических свойств.

Далее, в семейных родословных мы выделяем две группы пословиц в труде: частотные и раритетные.

К частотным паремиям относятся: „Всех дел не переделаешь“, „Глаза страшатся, а руки делают“, „Как потопашь, так и полопашь“, „Сегодняшней работы на завтра не покидай“, „Не сиди сложа руки, так не бу-

дет и скуки!” и др.

„После окончания войны бабушкина семья вернулась в свою родную деревню. Но от дома, в котором жили, ничего не осталось, его сожгли немцы. Надвигалась зима, нужно было построить дом, и вся семья принялась за дело. В лесу рубили деревья и бревна на руках тащили к дому, месили глину, носили воду, спали по четыре часа в сутки. К началу зимы домик был построен. Даже не верится, что за такое короткое время можно было осилить строительство. Бабушка пристально посмотрела на меня и ответила: „Знаешь, тогда все так работали, ведь дружно, не грузно, а врозь, хоть брось” (В.Ю.).

Особый интерес вызывают раритетные паремии. Не исключено, что сам жанр семейных родословных превращается в своеобразную нишу хранения и сохранения языковых редкостей, будь то историзм, слово из внутрисемейной речи, раритетная пословица. Наблюдается даже сопряжение раритетной и привычной, общеупотребительной пословицы, как в следующем фрагменте из текста:

„Я иногда поражаюсь речи моей бабушки, сколько великолепных пословиц и поговорок она знает, употребляя их не в бровь, а в глаз, понимая глубинный смысл каждой. Судите сами. Убирали мы картошку, сестра устала наклоняться, бабуля подошла к ней и говорит: „А ты знаешь, внученька, в поле Маланья не ради гулянья, а спинушку гнет для запаса вперед”. И добавила, чтобы было ясней: „Как потопашешь, так и полопашешь” (М.Т.).

Не исключено, что исследование лексики семейных родословных приведет к обнаружению паремий, находящихся на грани исчезновения.

Итак, паремии семейных родословных обладают определенной весьма ценной информацией, которую необходимо обрабатывать и изучать. Следует помнить, что при каждом использовании пословицы в акте коммуникации возникает соотносительность ее содержания и с другой жизненной ситуацией, в контексте которой текст пословицы подвергается новому рассмотрению. Концепт труда объединяет в паремическом массиве родословных значительное число различных по сути объектов фольклорной картины мира.

В заключение подчеркнем, что концепт труда не относится к числу легко фиксируемых и щедро насыщаемых фактами и деталями концептов семейных родословных. Авторы устных воспоминаний, авторы сочинений, как правило, схематично излагают трудовую часть биографии своих родственников, пользуясь традиционным набором клише, более того, порой вообще ограничиваясь всего лишь одной синтагмой „много работал(а)”. Тем ценнее для нас свидетельства людей, вскрывающих ядро процесса, описывающих процесс труда с его речевым сопровождением, описывающих трудовые действия, трудовой ритм жизни посредством оригинального, мотивированного подбора паремий.

1. Семененко Н.Н. Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремии.— Белгород, 2002
2. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности.— М.: Наука, 1991.— 205с.

Н.Н. СЕМЕНЕНКО

г. Старый Оскол

ТЕКСТОВАЯ ВАРИАНТНОСТЬ РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ

Фразеологический статус русской пословицы достаточно сложно как опровергнуть, так и доказать в силу специфики ее природы. Пословица, вне сомнения, воспроизводится в речи, хотя „говорить пословицами вовсе не значит владеть ими во множестве...” [Рыбникова, 1961, 14]. Умело пользоваться в речи пословицей, значит проявить находчивость, острый ум, умение обобщать и классифицировать жизненные явления — а все это требует определенной доли речевой импровизации. Отсюда изобилие вариантов, свидетельствующее не столько о слабой закреплённости значения, сколько о предельной его обобщенности, снижающей роль конкретных средств выражения (прежде всего лексических) данного значения.

Вариантность пословицы вовсе не отрицает ее воспроизводимости, поскольку основным свидетельством последней остается самостоятельная художественная и речевая ценность пословицы, всегда выделяющейся в речевом потоке, не сливающейся с контекстом и являющейся законченным произведением речевого искусства, полноценного по форме и содержанию.

Вариантность — это конститутивное свойство паремий, обусловленное рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. Классификация вариантов пословиц в плане лексико-структурных и семантических различий позволяет выделить две основные группы: текстовые и семантические варианты.

Текстовая вариация связана с наличием в паремическом фонде языка пословиц, выражающих идентичные умозаключения при некотором лексическом или лексико-структурном различии. Подобные варианты пословиц возникают при условии одновременной фиксации их текстовых разновидностей. Образование текстовых вариантов происходит чаще всего за счет замены одного или нескольких лексических элементов. Причем, эта замена может отчасти отражаться на общей семантике высказывания, а может не нести с собой никаких изменений в семантическом поле пословицы. Так в пословицах *Вперед батьки не суйся в петлю* и *Вперед батьки не лезь в воду* замена лексического компонента „петля” на „вода” не влечет за собой никаких существенных изменений в значении высказывания, несмотря на отсутствие видимой мотивировки подобной замены. На уровне поверхност-